

УДК 329.17

Нация, национализм и национальное государство в эпоху глобализации

Волков Владимир Николаевич

Доктор философских наук, профессор,
кафедра гуманитарных наук,

Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
123007, Российская Федерация, Москва, ул. 5-я Магистральная, д. 5;

e-mail: vnickvo@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются концепции трансформации нации, национализма, национального государства в эпоху глобализации и космополитизации. Когда люди рассуждают о нации, они часто покидают сферу рационального и погружаются в пучину иррационального, растворяясь в эмоциях и страстях. Кажется бы, два столетия, которые насчитывает история национализма, – вполне достаточный срок для того, чтобы осмыслить феномен национализма. Однако трудно представить себе какое-либо иное политическое явление, которое до сих пор оставалось бы столь загадочным и неопределенным.

Для цитирования в научных исследованиях

Волков В.Н. Нация, национализм и национальное государство в эпоху глобализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 3. С. 32-58.

Ключевые слова

Нация, этнос, национальное государство, воображаемое сообщество, вечность, глобализация, космополитизация.

Введение

Как нация повествует, рассказывает о самой себе? Обычно национальные истории рассказывают о движении людей сквозь прошлое; начало такого нарратива, как правило, теряется в тумане времени. Бенедикт Андерсон, автор знаменитой книги «Воображаемые сообщества. Феномен нации и национализма», задает вопрос: «Если сегодня нам кажется, что в мировой политике двух последних веков национализм сыграл грандиозную роль, то почему столь многие плодovитые мыслители современности – Маркс, Ницше, Вебер, Дюркгейм, Бенъямин, Фрейд, Леви-Стросс, Кейнс, Грамши, Фуко – так мало что сказали о нем?» [Андерсон, 2002, 7]

Многое в истории национальных традиций и символов «изобретено» и является как результатом забывания прошлого, так и воспоминания о нем. На это, в частности, обратил внимание еще французский историк Эрнест Ренан в лекции «Что такое нация?» 1882 года: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности. В самом деле, историческое исследование проливает свет на факты насилия, бывшие при начале всех политических образований, даже весьма благодетельных по своим последствиям» [Ренан, 1902, т. 6, 93]. По его мнению, нации – это новое явление в истории. «Древность не знала их; Египет, Китай, древняя Халдея совсем не были нациями. Это были группы людей, управляемые сыном солнца или сыном неба. Не было египетских граждан, как не было граждан китайских. В классической древности были республики и муниципальные государства, конфедерации местных республик, империи, но не было нации в том смысле, как мы ее понимаем. Афины, Спарта, Сидон, Тир являются незначительными центрами удивительного патриотизма, но все это незначительные города с относительно малой территорией. Галлия, Испания, Италия, до поглощения их римской империей, являлись совокупностями народностей, часто связанных между собою, но без всяких центральных учреждений, без династий» [там же, 91].

Нации нуждаются в «удобном прошлом», потому что его использование связано с интересами современных элит. Чтобы управлять массами и прово-

дять мобилизации элиты создают мифы, изобретают символы, праздники, обычаи, ритуалы (подробнее о роли ритуалов в жизни общества см.: [Лисина, 2008]), традиции. Эрик Хобсбаум остроумно замечает: «Историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем. Нации без прошлого – это своего рода противоречие в терминах. Прошлое – это и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые «производят» это прошлое» [Хобсбаум, 2002, 332].

Солидаризуясь с этой точкой зрения, Джон Урри обращает внимание на то, что Европа конца XIX века – это период конструирования национальных традиций¹. По его мнению, идея «Франции» была расширена благодаря процессу, сходному с колонизацией, средствами коммуникации (дороги, железные дороги и газеты), так что к концу XIX века народная и элитарная культуры встретились в результате разнообразных движений. «Одним из ключевых моментов в этом процессе явилось массовое производство публичных памятников, увековечивавших нацию, особенно в Париже. К этим монументам путешествовали, их рассматривали, о них говорили, ими делились с другими при помощи рисунков, картин, фотографий, фильмов и европейской индустрии туризма» [Урри, 2005, 145-146].

Что такое нация?

Принцип этнической принадлежности – это легкий и четкий способ выражения чувства групповой идентичности, которая связывает «нас» потому, что подчеркивает наше отличие от «них». А что у «нас» на самом деле общего, помимо того, что «мы» – не «они», – это не очень ясно, особенно сегодня. Принцип этнической принадлежности как раз и позволяет наполнить пустые емкости национализма. «Национализм относится к области политической те-

1 Например, во Франции День взятия Бастилии был учрежден только в 1880 году, Марсельеза стала национальным гимном в 1789 году, 14 июля было объявлено национальным праздником в 1880 году, а Жанну Д'Арк католическая церковь извлекла из небытия только в 1870-х годах (McCrone D. The Sociology of Nationalism. London: Routledge, 1998. Ch. 3. Pp. 45-46).

ории, а принцип этнической принадлежности – к социологии и социальной антропологии, – указывает Хобсбаум. – Он может быть связан с вопросами государства или другой формы политической организации, а может не иметь к ним отношения. Порой он приобретает политический аспект, но отнюдь не специфические черты этнически окрашенной политики. Все, что для него требуется, – это чтобы политический ярлык, каким бы он ни был, с особой силой взывал к членам этнической группы» [Хобсбаум, 2002, 336].

Пытаясь определить, что такое нация, Хобсбаум выделяет два принципиальных смысла нации в Новое время: отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, и отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общие язык, история или культурная идентичность в более широком понимании [Хобсбаум, 1998]. Последнее отношение наиболее часто связывается с термином «национализм», но это не единственное его значение. Смешение и наложение подобных значений в политике всякий раз заводит в тупик исследователей, если сами они мыслят под нацией и национализмом что-то одно.

Нация всегда ассоциируется с определенной территорией. Связь нации с конкретным физическим пространством сопряжена с определением в его идеальной модели центра и границ. Центр в культуре обозначается как сакральное место и мифологизируется, именно в центр помещается «национальный дух». В настоящее время существует серьезная угроза разрушения того смысла, который связывал между собой государство и нацию. Когда мечтой националистических движений было обретение собственных государств, люди верили в то, что государства способны обеспечить им процветание, благополучие и безопасность, а также гордость и международное признание. С другой стороны, предполагалось, что этим государствам гарантировано подчинение и преданность большинства граждан, считающих себя принадлежащими к нации. Теперь подобные предположения канули в Лету. Чем более мобильными становятся люди во всем мире, тем быстрее складываются легкие на подъем национальности, ключевым лозунгом которых следует считать «идентичность».

Нация как воображаемое политическое сообщество

Стремление к независимости навязывает модель национального государства. Но нацию надо постоянно выдумывать или оживлять в человеческих сердцах. До какой степени социальные образования, социальные взаимодействия обладают характером самоочевидности? Согласно Бенедикту Андерсону, нация – «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон, 2001, 31]. Нация является сообществом, потому что независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в нации могут существовать, она всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения [Волков, 2015, 9-10]. О войне принято говорить возвышенно, потому что этот дискурс обнаруживает в человеке большее, чем его индивидуальное существование, – то, что претендует на прочную основу его самоидентификации, то, за что можно и жизнью пожертвовать. На это указывает и Зигмунт Бауман: «Нация, которая перестает требовать жертв со своих представителей, станет бесполезной в ее качестве средства достижения бессмертия» [Бауман, 2002, 306-307].

Что делает нацию той ценностью, за которую можно умереть? Отвечая на этот вопрос, Андерсон связывает нации и национализм с трансформациями в универсальных культурных системах (религия, язык, империя), с «глубинным изменением в способах восприятия мира» – времени, пространства, истории и пр. «Нация в такой трактовке выступает как новый, характерный для современного общества, способ связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер» [Андерсон, 2001, 10].

Воображаемое сообщество отличается от реального, поскольку не основано на повседневном общении его участников. Вместо этого его участники удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства. Члены даже маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности. Специфика феномена нации – в противопоставлении другим нациям, в стремлении к автономии, залог которой – суверенное государство.

По мнению Андерсона, возникновение наций стало возможно в результате изменившегося восприятия времени и появления печатного капитализма². «Воображаемые сообщества» – это не просто большие группы людей, связанных унифицированным воображением. Андерсон сближает их с «моральным сообществом», скрепленным унифицированными верованиями и обычаями. Национализм выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении.

Особое внимание Андерсон уделяет языку как «способу воображения», опосредующему единение нации. Он считает, что язык делает прошлое переживаемым в настоящем, прошлое и настоящее сливаются в одновременности. Эта одновременность фиксируется озвучением символических форм, тем самым осуществляя реальность существования воображаемого сообщества. Язык придает «естественность» нации, подчеркивает ее фатальность, произвольность и бесконечность. Когда появился язык? Когда появилась нация как моральное сообщество? Ответы на эти вопросы не предполагаются риторикой национализма. Естественность языка как бы обосновывает правомерность забвения истоков нации.

Андерсон указывает на то, что воображаемый мир укоренен в повседневной жизни, а вымысел непрерывно проникает в реальность. Нации перерабатывают

2 Согласно Андерсону, огромную роль в создании и воспроизводстве нации играет газета. Сама концепция газеты предполагает преломляющее преобразование «мировых событий» в воображаемый мир местноязычных читателей. Для этого воображаемого сообщества важна идея устойчивой, прочной одновременности во времени. «Печатный язык, а не партикулярный язык как таковой, изобретает национализм» [Андерсон, 2001, 151]. Впоследствии радио и особенно телевидение позволили обойти печать и породить слуховую и визуальную репрезентацию воображаемого сообщества.

опыт священного, присущий мировой религии, и придают ему цивилизую и территориальную форму. «Священный» параметр нации – страстное желание бессмертия, переходящее в стремление к членству в нерушимом коллективе. По его мнению, священное – постоянная антропологическая величина организованной общественной жизни, и современный мир в этом плане не является исключением. Его новизна состоит только в том, что принимаемая им национальная форма носит светский характер. Так, например, священное и светское пересекаются в высшем символическом артефакте нации-государства, каким является могила Неизвестного солдата. Это странное мирское божество – объект духовного отголоска общинного культа предков. В этих «фамильных склепах» нет реального родственника. В них либо никто не похоронен, либо никто не знает, кто в них похоронен. Тем не менее во всех странах у этих могил происходят публичные церемонии и ритуалы.

Понятие нации тесно связано с религией. Всякая универсальная религия содержит культ вечного бытия. Нация озабочена проблемой смерти и бессмертия, она воображает себя бессмертной общностью. Но в светских идеологиях спасение души рассматривается как абсурдное утверждение. На этой основе возникает необходимость в другом понимании преемственности. Речь идет о светском преобразовании смерти в бессмертие и придании смысла случайности. Понятие нации служит такому преобразованию.

Суверенитет и глобализация

Что такое суверенитет? Пытаясь определить, что это такое, Иммануил Валлерстайн указывает, что «обращенный внутрь государства суверенитет предполагает, что в рамках своих границ (которые должны быть четко определены и легитимизированы на уровне межгосударственной системы) государство имеет право проводить любую политику, которую полагает разумной, принимать любые законы, которые считает необходимыми, и при этом никто – ни отдельные индивиды, ни группы, ни внутригосударственные структуры – не вправе отказаться от их исполнения» [Валлерстайн, 2004, 83-84].

Современное государство – это довольно странное создание: каждое из них претендует на суверенитет, считается суверенным, но всегда существу-

ет в рамках межгосударственной системы. Стремление самоизолироваться, отгородиться от других стран «железной стеной» – это нонсенс. По мнению Ульриха Бека, суверенитет – требование, порожаемое не столько самим государством, сколько межгосударственной системой. Это требование направлено как внутрь государства, так и вовне его. Суверенитет, обращенный вовне, предполагает, что никакое иное государство не имеет права претендовать на полномочия данного государства, осуществляемые им в пределах собственных границ, поскольку такая попытка означает покушение на суверенитет. Конечно, и прежние государственные образования стремились к обретению всей полноты власти в своих пределах, но «суверенитет» предполагает признание правомочности таких требований каждого из входящих в межгосударственную систему государств со стороны остальных. Таким образом, суверенитет в современном мире предполагает взаимность. «Любая теория национального суверенитета, которая понимает суверенитет как неустранимую и неделимую форму общественной власти и силы, строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как расчлененную власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов и являющуюся – по причине этой имманентной множественности – ограниченной и скованной» [Бек, 2001, 85].

Западные социологи и экономисты обращают внимание на небывалую подвижность капитала, которая выражается в том, что он перемещается из областей с высокими налогами в области с низкими. В результате многие государства лишаются части своих доходов и промышленной базы, а это ограничивает их способность к привлечению капитала или к формированию его потоков. Утечка капитала заставляет сегодня быть начеку любые национально-государственные правительства. Возросший поток капитала и идущее вслед за ним перемещение масс населения ставят под сомнение границы национальных государств. Если Бенедикт Андерсон уверен в том, что «конец эпохи национализма», который так долго пророчили, еще очень и очень далеко³, то многие историки, социологи, культурологи, экономисты, вопреки его позиции, прихо-

3 «Быть нацией – это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» [Андерсон, 2001, 26].

дят к выводу, что сама форма национального и, прежде всего, национального государства, вытесняется с исторической сцены. Так, например, Эрик Хобсбаум утверждает, что нация держит курс на выход из игры [Хобсбаум, 1998]. Зигмунт Бауман уверен в том, что «эра национальных государств подходит сегодня к концу» [Бауман, 2002, 308]. Ульрих Бек также приходит к выводу, что «в настоящее время происходит ... творческое разрушение легитимного миропорядка, при котором доминируют национальные государства» [Бек, 2007, 13].

И действительно, необходимо признать, что в эпоху постмодерна суверенность государств с включением их в транснациональные и наднациональные международные организации становится все более относительной. «С послевоенным устройством мира стерлось с лица земли то, что когда-то было Великой Мощью империй с их особым институциональным порядком и полным геополитическим суверенитетом. Даже если отменить сегодняшнее устройство, их институциональный опыт, вероятно, окажется невозвратимым, – нейтрализация любой опасности войны на этих территориях лишила прежнюю эпоху источников величайшей политической привлекательности. Поэтому отнюдь не только капитализм, спущенный с привязи в континентальных и планетарных масштабах, поставил знак вопроса относительно будущего нации-государства; сама общественная и культурная атмосфера после столь небывало долгого мира уже неспособна соответствовать темам высокой драмы в политической сфере» [Балакришнан, 2002, 279].

Неудивительно, что кризис, который поразил сейчас нацию, ставит современную цивилизацию в затруднительное положение. Бауман считает, что нация перестала олицетворять вечно продолжающуюся длительность; она могла служить реальным воплощением вечности, пока оставалась надежно защищенной полномочиями государства. В эпоху текучего модерна национальные государства не защищены экономическим, военным, культурным и политическим суверенитетом; эти элементы суверенитета вынуждены капитулировать под давлением сил глобализации. Что бы ни делало государство, это выглядит до смешного несообразным с мощью экстерриториального и кочующего капитала. «Не защищенные теперь неограниченным доминированием государства, нации начинают казаться хрупкими, недолговечными и, что наиболее важно,

слишком слабыми, ненадежными и недостаточно древними, чтобы быть способными нести бремя вечности» [Бауман, 2002, 173-174].

Эрик Хобсбаум замечает, что для транснациональных корпораций «идеальный мир» – это «мир без государств или, по крайней мере, мир, состоящий из маленьких, а не больших государств» [Hobsbawm, 1998, 4-5]. По мере разрушения суверенитета государств под давлением глобализации и значительного снижения порога, позволяющего претендовать на самоопределение, обязательная ассимиляция и инкорпорирование национальных меньшинств вместе с уничтожением их самобытности становятся невозможными.

Размышляя над последствиями глобализации, Бауман обращает внимание на то, что сейчас возникают новые, непривычные способы сосуществования. Эпоха, в которой наши предки настаивали на ассимиляции мигрантов, требовали от мигрантов стать такими же, как они (изучать язык, традиции, обычаи, историю, культуру «коренного населения», аборигенов), ушла безвозвратно. Люди больше не готовы отдавать свой культурный капитал в обмен на гражданство. Чтобы «быть собой», чувствовать себя комфортно, человеку больше необязательно храниться за границей «своего» государства. Он может жить в диаспоре – в Англии, Ирландии, Швеции, Германии, Испании, Канаде, оставаясь представителем своего народа. В едином планетарном государстве некуда сбежать. Отделение национальности от территории – важный шаг для всего человечества, поскольку жизнь с разнородностью означает лучшие условия для обогащения культуры, для ее творческого пересоздания.

Однако направлен ли вектор исторического развития в сторону более доброго и великодушного, упорядоченного и стабильного мира? Увы! Мы должны признать: существует опасность того, что в мире, отданном на откуп диаспорам, цивилизованный гражданский национализм может переродиться в агрессивный этнический национализм. По мере того как устои современной жизни лишают всякой надежды тех, кто желает жить в сообществе, эти сообщества оказываются совершенно не связанными с каким-либо чувством социальной реальности, гражданских обязанностей и возможности коллективного действия, направленного на преобразование мира. Горячее стремление к национальной идентичности часто перерастает в пристрастие к псевдоар-

хаичной этничности. Юрген Хабермас указывает на то, что «сегодня мы все живем в плюралистических обществах, которые все более отходят от формата национального государства, основанного на большей или меньшей культурной однородности населения. Разнообразие культурных форм жизни, этнических групп, мировоззрений и религий если не уже колоссально, то по крайней мере стремительно возрастает. Кроме политики этнических чисток, этому пути к мультикультурным обществам альтернативы нет» [Хабермас, 2002, 374].

Энтони Гидденс определил глобализацию как «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот» [Гидденс, 2004, 32]. Глобальность коммуникаций находит выражение либо в естественном языке (чаще всего при помощи электронных средств массовой информации), либо в особых кодах (помимо прочего, это касается денег и права). Глобализация означает разрушение, устранение границ и тем самым представляет опасность для национального государства, которое почти истерически блюдет собственные пределы. Национальное государство пыталось воплотить в жизнь идею сообщества, сознательно влияющего на свою собственную жизнь. Однако сегодня разрозненные государства становятся все менее способными управлять национальными экономиками как собственными хозяйственными фондами. Национальные законодательство и управление больше не оказывают эффективного воздействия на транснациональных игроков.

Однако создание глобального наднационального порядка – это только один из возможных вариантов спонтанного и неопределенного мирового развития. Бауман по этому поводу замечает: «Если принцип суверенитета национальных государств наконец дискредитирован и удален из сводов законов международного права, если способность государств к эффективному сопротивлению сломлена, так что с ней нельзя серьезно считаться в вычислениях глобальных сил, то замена «мира наций» наднациональным порядком (глобальной политической системой сдерживающих и уравнивающих сил, призванных ограничивать и регулировать глобальные экономические силы) – это всего лишь один, и с сегодняшней точки зрения не самый бесспорный, из возможных сценариев» [Бауман, 2008, 207].

Нация-государство сейчас переживает упадок. Поскольку мировое хозяйство в основном развивается вне каких-либо политических рамок, то национальные правительства ограничены в своем влиянии на модернизацию национальных экономик. Вследствие этого им приходится приспособлять национальные системы социального обеспечения к мировой конкуренции. Поэтому им ничего не остается, как не препятствовать дальнейшему высыханию источников социальной солидарности. Все большее число маргинальных групп последовательно отрезается от остального общества. Те, кто больше не в силах самостоятельно изменить свой социальный жребий, оказываются предоставленными самим себе.

Таким образом, мы видим, что постмодерн акцентирует центробежные тенденции в современных социумах, отказ от прежних социальных форм существования. Кризис модерна – это распад его «универсалистских» принципов организации, отчуждение от «универсалистских» структур; это разрушение структур модерна как пространства идентичности – распад иерархии идентичностей, дезинтеграция общества. Доминирующей моделью идентичности становятся «размножающиеся» локальные идентичности. Общество фрагментируется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. С уходом из западного сознания былой престижности общественного человека на поверхность общества вышла маргинальность во всех ее видах. У теоретиков постмодернизма это явление получило название «нового трайбализма». Именно подобного рода «племенная социальность» противопоставляется постмодернизмом обществу в его традиционном понимании. Особое значение имеет разложение национально-государственной идентичности. Нации распадаются на множество этнических и культурных образований.

Гражданство

Иммануил Валлерстайн утверждает, что Французская революция сделала подданных гражданами. Государства стали ответственны перед значительной группой лиц, выражавших определенные политические требования. Но если появились граждане, возникала и категория не-граждан. Программа либерализ-

ма XIX столетия состояла из трех основных элементов: избирательное право, перераспределение благ и национализм. Избирательное право предполагало предоставление голоса все более широким кругам населения, проживающего в государстве. В XX веке всеобщее избирательное право для совершеннолетних мужчин и женщин стало нормой. К середине XX столетия перераспределение, предусматривавшее установленный государством и обеспечиваемый им минимальный уровень заработной платы, а также социальные выплаты и пособия, определявшиеся государством, также стало нормой, по крайней мере в наиболее богатых странах, и это стало принято называть государством благосостояния. Третий элемент программы – национализм – заключался в воспитании патриотического чувства привязанности к своему государству, что достигалось систематической деятельностью двух институтов: начальных школ (а их посещение стало обязательным к середине XX века) и службы в армии (которая даже в мирное время стала нормой в большинстве стран, по меньшей мере для мужчин). Повсеместное распространение получили также коллективные националистические ритуалы [Валлерстайн, 2004, 146].

Государства были вовлечены в межгосударственную конкуренцию за «богатство народов». Считалось, что блага граждан зависят от успехов государства. Гражданство, особенно государств, занимавших верхние строчки в рейтинге, ранжировавшем страны по уровню ВВП, рассматривалось в качестве исключительной привилегии. Более того, эти государства укрепляли в своих гражданах представления об их исключительности, что также льстило тем, кто пользовался правами гражданства. Так гражданство приобрело ценность, которой человек вряд ли мог захотеть поделиться с другими. Граждане верили, будто за обретение данной привилегии они боролись с внутренними и внешними врагами, и гражданство не стало для них простым подарком. Они ощущали свое моральное право быть гражданами. И то, что гражданство представляло собой требование низов, делало его особенно эффективным инструментом, при помощи которого власть имущие могли усмирять опасные классы. Вся совокупность государственных ритуалов служила укреплению веры в то, что «нация» – это самое важное сообщество, к которому принадлежит человек.

Валлерстайн подчеркивает, что гражданство свело на нет все прочие конфликты, оно выдвинуло на первый план конфликт между нациями. Оно было призвано служить средством консолидации государства, и оно им великолепно служило, давая людям определенные привилегии или поддерживая соответствующие иллюзии. Принцип гражданства стабилизировал современную миро-систему. Он существенно упорядочил внутригосударственную жизнь. Стоит лишь взглянуть на юридическое оформление современных государств, чтобы понять, в какой мере практика законодательства и управления зависит от идеи гражданства.

Тем не менее идея гражданства вызвала к жизни и некоторые трудности, поскольку одной из основ капиталистического миро-хозяйства выступает требование свободного перетока рабочей силы, или миграции. Миграция является экономической необходимостью. И, хотя гражданство ценится весьма высоко и поддерживает «протекционистские» чувства, миграция остается постоянно воспроизводящимся элементом современной миро-системы.

Джон Урри, развивая идею мобильности и мобильного мира, отмечает, что гражданство – это притязание на пользование условиями цивилизованной жизни, на долю социального наследия, на принятие в качестве полноправных членов данного общества. Гражданство базируется на национальных рисках проживания на конкретной территории, национальных правах, которыми наделяются все, обладающие полным членством, на национальных обязанностях, которые накладываются на всех членов общества. Ключевым для понятия гражданства является национальное государство, гарантирующее уникальную, стабильную и исчерпывающую национальную идентичность, и гражданское общество, организованное вокруг единой нации. Эти черты обеспечивают национальное государство, которое способно заполнить и обозначить границами некоторую территорию, четко отделив людей и институты внутри этих границ от тех, что снаружи. Особенно важен здесь банальный национализм, набор практик и дискурсов, которые артикулируют в разных формах идентичности каждого общества через его обыденные отличия от других. Эти отличия выражаются через размахивание флагами по праздникам, пение национальных гимнов, вывешивание флагов на государственных зданиях, идентификацию с

национальными героями и спортивными командами, обращения через СМИ к членам данного общества, празднование дней независимости и т.п.

Урри указывает, что такое национальное общество организованного капитализма предполагает гражданство покоя, с правами и обязанностями, накладываемыми и обеспечиваемыми теми, кто живет и работает в пределах конкретной территории по принципу длительности членства. Гражданство связано с поселением. Защита от тягот, равно как и сами тяготы, является социальной и должна быть обеспечена посредством выдачи пенсий и страховых полисов, которые «универсальны, и включаются в понятие «социального гражданства». Однако различные режимы международного перемещения размывают гражданское общество и его организующую власть над жизненными шансами и стилем жизни своих «членов». Джон Урри уверен, что, благодаря трансформации телесного, коммуникационного, виртуального и воображаемого путешествия, разные наборы социальных отношений больше не протекают в основном в рамках национальной экономики, государства и особенно – гражданского общества.

Размывание социального имеет много последствий. Так, например, развиваются новые виды гражданства и идентичности, конкурирующие и подтачивающие национальную идентичность и гражданство (гражданство меньшинств, дающее право войти в другое общество, а затем остаться в нем и получить соответствующие права и обязанности; гражданство потребителей, связанное с правом на получение соответствующих товаров, услуг и информации со стороны частных и общественных организаций; гражданство мобильности). По словам Урри, все они являются гражданствами потока, связанными с мобильностью поверх границ рисков, путешественников, потребительских товаров и услуг, культур, мигрантов и туристов, а также прав и обязанностей, которыми пользуются эти граждане.

Кроме того, сама идея национальной идентичности уступает место все более универсальным моделям сообщества членов, связанных с детерриториализованным понятием универсальных прав личности. Робкое проявление своеобразного постнационального гражданства коренится в более глобальных взаимозависимостях, во все более перекрывающихся системах гражданства

различного вида и в возникновении универсальных правил и концепций прав человека, легализованных всевозможными международными организациями, кодексами и законами, включая сюда и право на передвижение, и право на экологическое гражданство, связанное с гражданством Земли. Джон Урри утверждает, что есть множество прав, институтов и правил, которые могут поддержать притязания людей на перемещение в любую страну мира и на пользование гостеприимством безо всяких условий в любой стране [Урри, 2012, 347-351].

Итак, сегодня представления о мире, нации, государстве, свойственные эпохе Просвещения, подвергаются критике. Тем не менее эти представления глубоко укоренились в практике и теории общественных наук. Традиционное социологическое понятие – понятие общества. Говорят, что мы живем в обществе и являемся его частью. Предполагается, что существует много обществ, но каждый из нас является постоянным членом лишь одного из них, а к другим, как правило, примыкает временно. Но где пролегают границы между обществами? Социологи намеренно обходили этот вопрос. Этого, однако, нельзя сказать о политиках, которые исходят из того, что общественная жизнь в современном мире разделяется на три различные сферы – государство, рынок и гражданское общество. Границы государства закреплены юридически. При этом подразумевается, что границы двух других сфер совпадают с государственными по той единственной причине, что на этом настаивает само государство. Но так и это на самом деле? В связи с тем, что в XX веке современность часто трансформировалась в варварство, за словами «общество», «нация», «социальная система» люди научились распознавать формы классового или государственного господства. Ален Турен указывает на то, что отныне «пролетариат, буржуазия, нация предстают идеологическими конструкциями или марионетками, управляемыми держателями политической власти» [Турен, 1998, 11-12].

Общество кардинально и быстро меняется. Постиндустриальная модернизация ведет к фундаментальной трансформации экономической стратегии – главным критерием «хорошей» жизни делается не количество вещей, а «качество впечатлений». Политическими приоритетами постиндустриального общества становятся ценности самовыражения, вместо стремления к экономическому росту любой ценой все больше внимания уделяется защите окружаю-

щей среды. Инглхарт и Вельцель пишут, что «индустриальная стадия модернизации приводит к секуляризации власти, а пост-индустриальная стадия – к эмансипации от власти» [Инглхарт, Вельцель, 2011, 46].

Национализм и космополитизация

Говоря об эпохе постмодерна и обществе риска, Ульрих Бек считает, что системообразующим термином, помогающим ориентироваться в сегодняшнем мире, может послужить понятие «космополитизации», которое означает эрозию жестких границ, разделяющих рынки, государства, цивилизации, культуры и жизненные миры отдельных людей. Конечно, мир не лишился разделительных барьеров, но его границы становятся размытыми и нечеткими, проницаемыми для потоков информации и капитала. На национальном и локальном уровнях разворачивается процесс «внутренней глобализации», затрагивающий практически все институты. В результате меняются условия конструирования социальной идентичности: она больше не связана с негативным противопоставлением «своих» и чужих», «наших» и «не-наших».

Бек настаивает на разграничении понятий «глобализация» и «космополитизация», поскольку глобализация несет в себе прежде всего экономический аспект, в то время как космополитизация включает в себя множество аспектов из разных сфер общественной жизни. По его мнению, космополитизация – это *идеал и реальность* универсализма, который содержит в себе особое измерение в координатах глобальности, включающей национализм, и транснационализма, который не исключает множественности этничностей и культур. Для него особенно важно, что космополитизация происходит не «во всемирном плане», над человеческими головами, а в повседневной жизни индивидов, в сфере быта.

Как же изменятся наши представления о власти и порядке, если взглянуть на них с космополитической точки зрения? В качестве ответа на этот вопрос Ульрих Бек предлагает следующие семь тезисов [Beck, 2007, www].

Тезис первый. *Глобализация – это анонимный порядок.* Во взаимоотношениях между глобальной экономикой и государством разворачивается «игра

мета-власти» – борьба за власть, в ходе которой правила функционирования власти на национальном и транснациональном уровнях постоянно переписываются. Это особенно ярко проявляется в экономике, где концентрируется мета-власть, вырывающаяся из-под контроля властных отношений, организованных в категориях территорий и национальных государств, чтобы создать новые властные стратегии в виртуальном пространстве. Бек уверен в том, что сейчас происходит глубинная трансформация государства в направлении переориентации на максимизацию власти транснациональных предприятий: средством убеждения становится не угроза вторжения, а «угроза не-вторжения» инвесторов или угроза их ухода с местных рынков. В настоящее время создается конфигурация, при которой может быть только одна угроза, более страшная, чем угроза поглощения «транснационалами», – это угроза не-поглощения ими. Бек указывает на то, что «формула власти транснациональной экономики гласит: преднамеренное, целенаправленное не-завоевание. Это ненасильственное, невидимое, намеренное, вездесущее «не-» не нуждается в одобрении и не способно воспринимать его» [Бек, 2007, 90].

Важным выводом Ульриха Бека является то, что глобализация – это не право выбора, а господство, не осуществляемое никем. «В слове «глобализация» просматривается неявный смысл «организованного отсутствия ответственности». Вы тщетно ищете, к кому обратиться, на кого подать жалобу, против кого провести демонстрацию. Ибо этот феномен неуловим: нет института, куда можно было бы записаться на прием; нет телефона, по которому можно было бы позвонить; нет адреса электронной почты, по которому можно было бы написать. Каждый видит в себе жертву, и никто – виновника «преступления». Даже главы корпораций, которые хотят, чтобы их всячески обхаживали, приносят свою волю, мышление и поведение на алтарь стоимости акций, если не хотят, чтобы их самих уволили» [там же, 93-94].

Тезис второй. *Новый подход к политике.* Бек уверен в том, что только решительная критика ортодоксии национального государства может открыть новые возможности для обретения власти. Всякий, кто держится за старый, национальный догматизм, будет сметен, опрокинут, и ему некому будет даже на это пожаловаться. Это цена, которую придется заплатить некоторым странам

за свою приверженность силовым правилам старого, национального государства, за неспособность перейти на космополитическую точку зрения. Неумение проводить различия между национальной и глобальной политикой искажает перспективу и в то же время блокирует способность узнавать и понимать черты новых отношений и ресурсов власти. Победит тот, кто осознает и реализует потребность в космополитическом взгляде на мир.

Тезис третий. *Только капиталу позволено играть не по правилам.* Неолиберальная идеология представляет собой попытку сделать далеко идущие обобщения на основе краткосрочных исторических побед мобильного капитала. В перспективе капитал позиционирует себя в качестве абсолютной и автономной жажды власти во всемирном масштабе. Впоследствии то, что хорошо для капитала, становится лучшим выбором для каждого. Нарушение или изменение правил остается революционной прерогативой капитала. Кто же может сыграть роль контрсилы, противостоящей глобализированному капиталу?

Тезис четвертый. Бек полагает, что именно *мы, потребители, составляем эту контрсилу*. В общественном сознании Запада роль контрсилы, альтернативной капиталу и расшатывающей правила, достается не государству, но глобальному гражданскому обществу и множеству его сторонников. «Оппонирующая сила глобального гражданского общества покоится на фигуре политического потребителя. Потребитель находится по ту сторону диалектического двуединства «хозяин – батрак». Его противодействие власти вытекает из того, что он везде и в любое время может отказаться от покупок. «Оружие непокупания» нельзя сократить ни в пространстве, ни во времени, ни материально. Фатальным для интересов капитала является то, что против растущей власти потребителей не существует контрстратегии: даже всемогущие мировые концерны не могут уволить своих потребителей» [там же, 25-26].

Тезис пятый. *Жертвуем автономией, приобретаем суверенность.* Все попытки выводить пространство новых возможностей из политики, основанной на старых, национально-государственных ценностях, спроецированных на космополитическую расстановку сил, приводят к иллюзиям и самообману. Главная из таких иллюзий – надежда на то, что все противоречия, кризисы и побочные следствия происходящей трансформации могут быть «цивилизова-

ны» при помощи национального гражданского общества, задействованного в глобальном масштабе.

Нужно вырваться из тисков национализма, осознать различие между суверенностью и автономией. Национализм зиждется на отождествлении суверенности и автономии. С этой точки зрения экономическая зависимость, культурные различия и кооперация между государствами в военной, юридической и технологической областях автоматически приводят к утрате автономии и суверенности. Если измерять уровень суверенности исходя из того, насколько эффективно способно государство разрешать собственные проблемы, то усиление взаимозависимости и кооперации – то есть утрата автономности – на самом деле приводит к укреплению суверенности. Потеря формальной автономии и укрепление реальной суверенности могут идти рука об руку, в режиме взаимоусиления. Глобализация означает и то и другое одновременно. По словам Бека, реальная суверенность коллективных и индивидуальных игроков возрастает в той мере, в какой ослабляется их формальная автономия.

Тезис шестой. Принцип национального безразличия к государству. Адекватным политическим ответом на вызов глобализации явилось «космополитическое государство», которое стало открытым по отношению к миру. Это государство не возникает путем распада национального государства и не «приходит ему на смену»; скорее, оно создается посредством глубинной трансформации, через «внутреннюю глобализацию». Государство, выступающее одновременно в двух ипостасях – космополитической и национальной, не противопоставляет себя другим нациям. Вместо этого оно разрабатывает сети на основе взаимного признания дружности и равенства в различиях, чтобы решать с их помощью транснациональные проблемы. При этом суверенность расширяет сферу своего воздействия, чтобы решать национальные проблемы. Такой подход открывает возможности для мирного сосуществования различных национальных идентичностей на основе соблюдения принципа конституционной толерантности внутри государства и космополитических прав за его пределами.

Ульрих Бек считает, что национальные мировые войны могут быть прекращены путем отделения государства от нации. Сеть космополитических государств должна гарантировать мирное сосуществование национальных и этни-

ческих идентичностей на основе принципа конституционной толерантности. Примером нового подхода может служить Европейский Союз. Политическое искусство создания взаимозависимостей привело к успешному превращению врагов в соседей. Теорию и концепцию космополитического государства следует отличать от трех позиций: от иллюзии автономного национального государства, от неолиберального понятия минимального, дерегулированного экономического государства и, наконец, от соблазнов единого мирового правительства, сосредоточившего в своих руках всю власть.

Тезис седьмой. Превратим стены в мосты! Ульрих Бек доказывает, что его теория о «космополитической перспективе» отличается от прежних теорий, поскольку описывает другую реальность, да и сконструирована она иначе. Все прежние идеи базируются на предпосылке различия, отторжения, чуждости Другого. Что же касается космополитической толерантности, то ее смысл гораздо шире. Она предполагает не оборонительную или пассивную, но активную позицию – позицию открытости по отношению к миру Другого. При таком подходе различия воспринимаются как обогащение, а взаимоотношения с Другим строятся на основе отношения к нему как к фундаментально равному. Космополитизм совсем не означает единообразия или гомогенизации. Индивидуумы, группы, сообщества, политические организации, культуры и цивилизации должны сохранить свои различия и, может быть, даже уникальность. Но, говоря метафорически, стены между ними должны смениться мостами.

Заключение

Время постмодерна – переходное время, неопределенный период, когда неясно, каким правилам следовать. Единство территории, нации и государства более чем 200 лет определяло политическую карту мира. В XX веке это единство дало сбой, планета начала преобразовываться в архипелаг диаспор. Все ушло в прошлое, государство и нация существуют сами по себе. Распад единства территории, нации и государства – это реальность. Нация-государство сейчас переживает упадок, растет повсеместная тенденция к ее «уходу на покой». Ульрих Бек приходит к выводу, что «в мире риска национализм становится врагом

нации. Следовательно, космополитизация – это исследовательская перспектива, политическая реальность и нормативная теория. Это критическая теория нашего времени, поскольку она бросает вызов наиболее фундаментальной из наших истин – истине национального» [Бек, www].

Национальное государство – это то, что породило современную европейскую демократию. Сегодня глобализация приводит к кардинальному изменению всех аспектов жизни каждого из нас, как положительному, так и отрицательному. Границы территориальных государств теряют смысл и имеют тенденцию исчезать, а национальный суверенитет может быть сведен к «культурной автономии» и сохранению этнической самобытности. Альтернативой этому хаосу «нового трайбализма» может служить укрепление гражданского общества и создание на его основе новых космополитических структур, которые позволят установить относительный порядок в непредсказуемом и рискованном мире постмодерна.

Библиография

1. Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 7-25.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 264-282.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Территория будущего, 2007. 464 с.
7. Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // Сайт Международного Фонда социально-экономических и политологических исследований. URL: http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf (дата обращения: 06.04.2015).

8. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
10. Волков В.Н. Патриот и герой в дискурсе жертвенности и смерти // Культура и цивилизация. 2015. № 1-2. С. 9-29.
11. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация влияет на нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
12. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
13. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Оренбург, 2008. 21 с.
14. Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч. в 12-ти тт. Киев: Типография М.М. Фиха, 1902. Т. 6. С. 87-101.
15. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
16. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136-150.
17. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
18. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 364-380.
19. Хобсбаум Э.Дж. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
20. Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332-346.
21. Beck U. A new cosmopolitanism is in the air // Signandsight.com. URL: <http://www.signandsight.com/features/1603.html> (дата обращения: 10.12.2014).
22. Hobsbawm E.J. The nation and globalization // Constellations. 1998. Vol. 5. Issue 1. Pp 1-9. doi: 10.1111/1467-8675.00069

The nation, nationalism and the nation state in the era of globalization

Vladimir N. Volkov

Doctor of Philosophy, professor, Department of humanities,
Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism,
123007, 5 5th Magistralnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vnickvo@gmail.com

Abstract

This article explores the conceptions of transformation of the nation, nationalism and the nation state in the era of globalization and cosmopolitization. The modern world is engulfed in the processes of production and consumption. Products are manufactured and sold, brands are created, and slogans are invented. Nowadays historical facts, historical events, and historical figures are created similarly. While analyzing such phenomena as the nation, nationalism, the nation state, the author of the article compares the conceptions of Western sociologists, political scientists, economists, philosophers, historians who deal with this problem. The author points out that that the nation state gave rise to the modern European democracy. Nowadays globalization results in fundamental changes in all aspects of our lives, both positive and negative. Nationalism claims to be eternal and immortal. However, the time of nation states has already passed. Territorial boundaries of states tend to disappear, and national sovereignty can be reduced to "cultural autonomy" and the preservation of ethnic identity. Strengthening civil society and creating new cosmopolitan structures on its basis, which will allow of establishing the relative order in an unpredictable and risky postmodern world, can be an alternative to this chaos of the "new tribalism".

For citation

Volkov V.N. (2015) Natsiya, natsionalizm i natsional'noe gosudarstvo v epokhu globalizatsii [The nation, nationalism and the nation state in the era of globalization]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 3, pp. 32-58.

Keywords

Nation, ethnicity, nation state, imagined community, eternity, globalization, cosmopolitization.

References

1. Anderson B. (1992) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. 2nd ed. London: Verso. (Russ. ed.: Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow: Kanon-Press-Ts. Publ., Kuchkovo pole Publ.)
2. Anderson B. (1996) Introduction. In: *Mapping the nation*. London: Verso, pp. 1-16. (Russ. ed.: Anderson B. (2002) Vvedenie. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praksis Publ., pp. 7-25.)
3. Balakrishnan G. (1996) The national imagination. In: *Mapping the nation*. London: Verso, pp. 198-213. (Russ. ed.: Balakrishnan G. (2002) Natsional'noe vooobrazhenie. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praksis Publ., pp. 264-282.)
4. Bauman Z. (2001) *The individualized society*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos Publ.)
5. Bauman Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg: Piter Publ.)
6. Beck U. (2007) A new cosmopolitanism is in the air. *Signandsight.com*. Available from: <http://www.signandsight.com/features/1603.html> [Accessed 10/12/14].
7. Beck U. (2012) Living in and coping with world risk society: The cosmopolitan turn. *Sait Mezhdunarodnogo Fonda sotsial'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy* [Site of the International Foundation for Socio-Economic and Political Studies (The Gorbachev Foundation)]. Available from: http://www.gorby.ru/userfiles/ulrich_beck_final_version_moscow.pdf (Russ. ed.: Bek U. Zhizn' v obshchestve global'nogo riska – kak s etim spravit'sya: kosmopoliticheskiy povorot. *Sait Mezhdunarodnogo Fonda sotsial'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy* [Site of the International Foundation for Socio-Economic and Political Studies (The Gorbachev Foundation)]. Available from: http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf [Accessed 06/04/15].)

8. Beck U. (2002) *Power in the global age: A new global political economy*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Bek U. (2007) *Vlast' i eyo opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.)
9. Beck U. (1999) *What is globalization?* Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Bek U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.)
10. Giddens A. (1999) *Runaway world: How globalization is reshaping our lives*. London: Profile. (Russ. ed.: Giddens E. (2004) *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya vliyaet na nashu zhizn'*. Moscow: Ves' mir Publ.)
11. Habermas J. (1996) The European nation-state – its achievements and its limits. On the past and future of sovereignty and citizenship. In: *Mapping the nation*. London: Verso, pp. 281-316. (Russ. ed.: Khabermas Yu. (2002) *Evropeiskoe natsional'noe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva*. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praksis Publ., pp. 364-380.)
12. Hobsbawm E.J. (1996) Ethnicity and nationalism in Europe today. In: *Mapping the nation*. London: Verso, pp. 255-266. (Russ. ed.: Khobsbaum E.Dzh. (2002) *Printsip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope*. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praksis Publ., pp. 332-346.)
13. Hobsbawm E.J. (1992) *Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality*. Cambridge: Cambridge University Press. (Russ. ed.: Khobsbaum E.Dzh. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.)
14. Hobsbawm E.J. (1998) The nation and globalization. *Constellations*, 5 (1), pp 1-9. doi: 10.1111/1467-8675.00069
15. Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. (Russ. ed.: Inglehart R., Vel'tsel' K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.)
16. Lisina E.A. (2008) *Fenomen rituala v zhizni obshchestva (sotsial'no-filosofskii analiz)*. *Avtoref. dokt. diss.* [The phenomenon of ritual in the life of society (a socio-philosophical analysis). Doct. diss. abstract]. Orenburg.

17. Renan E. (1882) Qu'est-ce qu'une nation? In: *Conférence faite en Sorbonne, le 11 mars 1882*. Paris: Calmann Lévy. (Russ. ed.: Renan E. (1902) Chto takoe natsiya? In: *Sobr. soch. v 12-ti tt.* [Collected works in 12 vol.]. Vol. 6. Kyiv: Tipografiya M.M. Fikha, pp. 87-101.)
18. Touraine A. (1984) *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Paris: Librairie Arthème Fayard. (Russ. ed.: Turen A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Moscow: Nauchnyi mir Publ.)
19. Urry J. (2007) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Urri Dzh. (2012) *Mobil'nosti*. Moscow: Praksis Publ.)
20. Urry J. (2002) *The tourist gaze*. 2nd ed. London: Sage. (Russ. ed.: Urri Dzh. (2005) Vzgl'yad turista i globalizatsiya. In: *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya* [Mass culture: contemporary Western studies]. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'tury", pp. 136-150.)
21. Volkov V.N. (2015) Patriot i geroi v diskurse zhertvennosti i smerti [Concepts of patriotism and heroism in the discourse of sacrifice and death]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 1-2, pp. 9-29.
22. Wallerstein I. (2001). *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. (Russ. ed.: Vallerstain I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka*. Moscow: Logos Publ.)